

9. Бодуан, Жан-Пьер. Управление имиджем компании. Паблик рилейшнз: предмет и мастерство / Ж.-П. Бодуан. – М.: Инфра-М, 2001.
10. Чурилова, С.В. Имидж учреждения культуры / С.В. Чурилова // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2002. – № 4.
11. Кузнецов, В.Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии / В.Ф. Кузнецов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 300 с.
12. Колпина, Л.В. Формирование гражданского общества в условиях российского региона: дис. канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород, 2003.
13. Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства (круглый стол) // Социологические исследования. 2000. №8. С. 74-75.
14. Назайкин, А.Н. Факторы, влияющие на эффективность рекламы в СМИ / А.Н. Назайкин // Медиаскоп. – 2011. – Выпуск № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/855>.
15. Дятченко, Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – Москва-Белгород, 1993. – С. 142.
16. Франчук, В.И. Основы общей теории социального управления / В.И. Франчук. – М., 2000. – С. 11.
17. Данакин, Н.С. Типы социального сравнения (компаративных отношений) / Н.С. Данакин // Теоретическая и прикладная социальная технология: сб. научных статей. Вып. I. – Белгород: Изд. центр «Логия», 2003. – С. 54.
18. Руженцева, Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография / Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
19. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов: аналитический доклад. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html.

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ И АВСТРАЛИИ: РАЗЛИЧНОЕ И ОБЩЕЕ

Волкова О.А., Вендт С., Чеерз Б.

Одной из наиболее актуальных проблем современных социальных исследований во всем мире стала проблема домашнего насилия: ее изучение, борьба со всеми формами проявления, профилактика. Домашнее насилие в России получает все большее распространение. Лица, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, прочно занимают первое место среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений: 70-80% тяжких насильственных преступлений, в том числе 30-40% убийств, совершается в семье. Причем женщины и дети составляют 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств. Каждый год от рук мужей и сожителей погибают от 10 000 до 14 000 женщин (Вестник Информационного Центра Независимого Женского Форума, 1997), 2 000 000 детей подвергаются физическому насилию, а 5 000 детей уходят из дома из-за ситуации жестокого обращения, причем каждый второй из них никогда больше не возвращается в семью (Папа, мама я – жестокая семья, 2006). Согласно статистике МВД, насилие имеет место в каждой четвертой семье в России (Региональная общественная организация «Анна», 2006).

В результате все более глубокого проникновения насилия в жизнь семьи разрушается ее нравственность, происходит ослабление связи и преемственности поколений, гуманизма семейного воспитания, порождается детская безнадзорность и беспризорность, дети вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, вовлекаются в проституцию и преступную деятельность. Опираясь на теорию человеческой деструктивности Э. Фромма, отметим: «жестокость разрушает душу и тело, и саму жизнь; она сокрушает не только жертву, но и самого мучителя» (1992, с. 28).

Правовое поле защиты личности от насилия формируют законы Российской Федерации: Конституция Российской Федерации, Уголовный, Гражданский процессуальный, Административный, Семейный кодексы РФ. К преступлениям против личности, связанным с домашним насилием, в Уголовном Кодексе относятся: убийство, доведение до самоубийства, побои, истязание, оскорбление, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратные действия, хулиганство, вовлечение в занятие проституцией.

Есть исследования, представляющие собой юридическую рефлексию о насилии как области применения права, например, работы ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка «Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование» (Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование, 1995) и С.Н. Абельцева «Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений» (2000, с.21-27).

Исследования проблемы семейного насилия начали зарождаться в российской науке в 90-х гг. XX в., но они проводились безотносительно к сельской местности. В российской науке появилась литература, представляющая различные аспекты поднимаемой в данной статье проблемы: жестокость, агрессивность, насилие, жестокое обращение, виктимное поведение. Подобные проявления рассматриваются по отношению к членам семьи, которые в каком-то отношении слабее, к конкретным категориям: детям, лицам с ограниченными возможностями, пожилым, женщинам.

Этнографические и гендерные аспекты домашнего насилия в истории России наиболее полно отражены отечественных в работах Н.А. Бердяева (1990), Н.Л. Пушкиревой (1987), Е.И. Гаповой (2001), И.Р. Чикаловой (2001).

В последние десятилетия появились исследования, представляющие собой общественную экспертизу современной ситуации насилия в отношении женщин. Сюда можно отнести работы Э. Мартыновой «Женщины и насилие» (1993), А.А. Горбуновой «Насилие в российской семье: проблемы и последствия» (1999). В книге «Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах» (1993) представлены результаты российско-британского социологического проекта 1990-1993 гг. «Социальная структура российского села», проведенного под руководством Т. Шанина, где предлагаются устные истории жизни сельских семей из разных регионов России. В работе Т.Ю. Забелиной «Россия: насилие в семье – насилие в обществе» (2002) представлены результаты количественных и качественных исследований по выявлению осведомленности населения России о насилии в семье/по месту работы/учебы женщин. Это исследование проводилось в 2001-2002 гг. в рамках информационной кампании ЮНИФЕМ в защиту прав женщин «Жизнь без насилия».

Несмотря на то, что образ сельской семьи России как зоны домашнего насилия в российской литературе представлен не достаточно, существуют работы зарубежных авторов, отражающие исторические аспекты проблемы и перспективы ее решения: J.V. Brown «Female Sexuality and Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory» (1986); D. Ransel «Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia» (1988); J. Hubbs «Mother Russia: The Feminine Mith in Russian Culture» (1988); B. Clemens, B. Engel, C. Worobec «Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation», (1991) и др.

Из упомянутого перечня работ становится понятно, что задачи анализа социокультурного контекста сознания граждан, особенно женщин, как субъекта правового

регулирования, живущих в сельской местности России, до сих пор не ставились. Работ, посвященных непосредственно исследованию проблем домашнего насилия на селе, в особенности, отражающих явление как историко-этнографическую, социокультурную и гендерную проблему, у российских ученых нет.

На наш взгляд, в целом подтверждается обоснованность существования в российской науке трех групп теорий: 1) межличностные, делающие упор на роль алкоголя и наркотиков как факторы-ускорители злоупотребления в отношениях; 2) социально-психологические, концентрирующие внимание на моделировании ролей, усвоенных под воздействием домашнего насилия; 3) социокультурные, обосновывающие влияние социальных факторов на насилие между партнерами.

Ученые по-разному трактуют природу насильственных практик в семье. Например, исследование, проведенное в 2003 году И. Горшковой и И. Шурыгиной, было направлено на изучение того, как общество воспринимает физическое насилие, совершаемое мужьями над женами. Почти половина опрошенных считают: «если муж побил жену, то это их частное дело, в которое никто не должен вмешиваться». Но больше всего сближают людей разного пола, разного возраста, из разных регионов ответы на вопрос: «Как Вы думаете, к кому женщине следует обратиться, если ее бьет муж?». Из множества позиций (милиция, психолог, кризисный центр, родственники, друзья и пр.) около 30% выбрали ответ: «Ей лучше самой подумать, в чем она виновата» (Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие», 2003).

По мнению А. Пашиной, показательны утверждения о провокации насилия женщиной – это очень удобный миф, который поддерживает само общество. Так, идея провоцирования насилия женщиной приводит нас к постулату о закрытости семьи. Постоянное воспроизведение иерархичных отношений, в том числе в их грубой физической форме, признается допустимым способом решения возникающих противоречий во имя сохранения патриархатного порядка (Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие». 2003).

Т.А. Клименкова, изучая права женщин в России, приходит к выводу, что женщину угнетает не столько мужчина, сколько патриархатный тип культуры (1998, с. 144-189). Происходит постепенное изменение дискурса проблемы: переход от ее чисто психологического восприятия к более широкому социокультурному аспекту. Постепенно уходит из исследований тезис о том, что насилие против женщин – результат проявления «естественной и не контролируемой мужской агрессивности», чаще всего «сексуальной страсти» (Клименкова, 1998, с. 144-189).

Директор международного гуманитарного центра «Розрада» В.М. Бондаровская отмечает, что насилия много в семьях самого разного достатка и социального положения. Для сельских жителей характерно следующее: «с одной стороны, крестьянство, которое является как бы охранной частью общества, бережет обычаи и традиции, очень уважительно относится к женщине» (Насилие над женщиной – варварство или традиция, 2006). «С другой стороны, насилие над деревенской женщиной очень четко выражается в дискриминации ее на рабочем месте. То, что доярка должна в 4.00 утра вставать и пешком переть на ферму, и никто не думает ее везти; то, что женщину посадили на трактор: то, что бригадир стоит и надзирает, а женщины, наклонившись над грядками с бурьяками, выполняют работу – в этом отношении насилие над женщиной в селе производилось и производится. То есть: тяжелый труд, командные должности – только у мужчин, обязанность только женщины вести приусадебный участок и домашнее хозяйство, устаревшие технологии работы – вот эти, многовековые, отсталые обычаи и порабощает сельскую женщину» (Насилие над

женщиной – варварство или традиция, 2006). Показательна ситуация в ставропольских селах и поселках. Там проявления патриархальных представлений настолько велики, что к мужчине вообще не предъявляется социальных требований. Он может не работать и говорить, что ему сейчас работать лень, потому что зима и холодно (Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие», 2003).

Член Общественной комиссии при Председателе Совета Федерации по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в России Н.П. Золотова выразила уверенность в том, что в России начинают вырабатываться и осуществляться гендерные стратегии, в том числе в отношении положения женщины в семье (Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие», 2003). Хотя в сельской местности, по сравнению с городской, достичь каких-либо изменений гораздо труднее, в силу ее специфики.

Сельское население России, которое составляет около 30% всех жителей страны, традиционно живет в условиях, которые довольно сильно отличаются от городских и оказывают несомненное влияние на более высокий уровень распространенности домашнего насилия. Это более низкий уровень социальной жизни, в том числе и организации социальной работы; тяжелые условия труда и быта; слабо развитая социальная инфраструктура (плохие дороги, отсутствие надежных источников связи, недостаточное количество учреждений здравоохранения, культуры и образования); недостаточность материальных ресурсов; отставание от городского уровня социального и коммунального обустройства; изолированность и территориальная отдаленность (деревни на огромной территории России часто расположены на большом расстоянии друг от друга); более низкий, по сравнению с городом, образовательный уровень жителей села (это приводит к менее выгодному положению сельской общины при включении ее населения в процесс социального развития); консерватизм и социальная инертность (сельские жители менее мобильны, чем городские, гораздо патриархальнее); отсутствие конфиденциальности и недостаточная анонимность, вызванные тем, что в деревнях все знают друг о друге все; более высокий уровень безработицы по сравнению с городом.

Таким образом, специфика проблем домашнего насилия в условиях сельской местности вызывается рядом причин:

▮ ценностными ориентациями, психологией, определенным консерватизмом сельских жителей;

▮ социальными условиями жизни, труда, быта и трудностями, порождаемыми этими проблемами;

▮ сельской социальной средой, которая в отличие от городской, характеризуется тесными соседскими связями, сохранившимися традициями общинных взаимоотношений, которые не позволяют «выносить сор из избы», обнародовать факты насилия как на бытовом уровне, так и на правовом, охранно-защитном.

Сотрудники Алтайского Краевого кризисного центра для женщин в партнерстве с НКП «Женский альянс» при реализации Программы «16 дней борьбы против гендерного насилия» отметили, что «склонность к насилию не передается по наследству, она генетически не детерминирована, но ребенок, живущий в семье, где правит жестокость, даже если он непосредственно не подвергался насилию, в 80-90% случаев, к сожалению, перенимает данную модель поведения от своих родителей и переносит ее в свои будущие партнерские или семейные отношения» (Папа, мама я – жесткая семья, 2006). Данные, полученные в результате исследования, предпринятого Т.П. Дурасановой и О.А. Волковой в 2002 году на материале малого российского го-

рода Саратовской области (2003, с. 295-301), подтверждают, что домашнее насилие оказывает негативное влияние на адаптацию и социализацию детей. Жители российской семьи были в основном воспитаны в условиях патриархальной семьи и вследствие этого многое воспринимают как норму.

Особенно часто насилие встречается в том случае, когда жена и дети являются экономически зависимыми (Насилие над женщиной – варварство или традиция, 2006). Анализируя данные, представленные в представленной ниже таблице (Перед лицом насилия, 2006), следует также обратить внимание на то, что жительницы села значительно чаще убеждены в том, что за последние 10 лет (то есть в условиях социально-экономического кризиса) уберечься от насилия стало намного труднее. Так, 79,3% сельских женщин считают, что уберечься от насилия стало труднее и лишь 19,5% отметили, что здесь ничего не изменилось (Перед лицом насилия, 2006).

Таблица

Мнение женщин из разных типов поселения о том, насколько изменились возможности уберечься от насилия за последние 10 лет, в %

Тип поселения	Уберечься от насилия		
	Стало легче	Стало труднее	Не изменились
Мегаполис	1,5	69,9	28,7
Областной центр	1,7	69,7	28,6
Районный центр	1,6	69,1	29,3
Село	1,1	79,3	19,5

Во многом такие оценки обусловлены тем, что именно в районных центрах и селах насилие со стороны близких распространено гораздо шире, чем в крупных городах. Кроме того, его уровень возрос одновременно с падением уровня жизни сельского населения. Так, 31,7% жительниц районных центров и 25,0% жительниц села отметили, что подвергались насилию дома, в то время как среди женщин из мегаполисов такую ситуацию отметили буквально единицы. Так, 76,8% всех опрошенных женщин считают себя незащищенными в правовом отношении, в то время как считают, что они защищены, только четверть опрошенных (Перед лицом насилия, 2006). Как видим, бытовое насилие было, и, по всей видимости, и сейчас остается, атрибутом жизни, прежде всего, «в глубинке» России. Основными его жертвами становятся женщины из наиболее неблагополучных слоев, как с точки зрения их материального положения, так и образовательного уровня. Очень серьезной проблемой для сегодняшней российской действительности является не только сам факт наличия насилия в семьях, но и то, что многие женщины не видят возможности воспрепятствовать этому.

Значительное исследование проблем домашнего насилия в Южной Австралии проведено S. Wendt и B. Cheers, (это исследование приведено в оригинале).

Из-за скрытой природы домашнего насилия в сельских районах Австралии (Alston, 1997; Wendt & Cheers, 2002) становится затруднительным определение реальной степени распространенности проблемы. Имеющаяся статистика свидетельствует, что в отдаленных от центров поселениях о домашнем насилии сообщается значительно чаще, чем в городах (Women's Services Network (WESNET), 2000). Например, данные национальных исследований, собранные в 1997-1998 годах в ходе реализации Supported Accommodation and Assistance Program, дают следующую картину: домашнее насилие в крупных городах составляло 2,32 на 1 000 жителей по сравнению с показателем 6,11 в крупных населенных пунктах сельской местности, 3,23 – в других сельских населенных пунктах и 9,85 – в сельских населенных пунктах, значительно отдаленных от крупных городов (WESNET, 2000, p.4). Однако разница, пред-

ставленная в данных показателях, реально может быть значительно больше. Некоторые исследования показали, что возможно, полиции о случаях, связанных с насилием, сообщается в сельской местности меньше, чем в городской, и что в сельской местности неофициальный социальный контроль и санкции против сообщения в полицию распространены гораздо больше. Более того, сельские провайдеры услуг предоставляли многочисленные данные, подтверждающие обоснованность и очевидность серьезного уровня домашнего, сексуального и других типов насилия, распространенного среди сельских жителей мелких населенных пунктов. Но о еще большем количестве случаев не сообщается (Coorey, 1990, 1992; Alston, 1997; Hoggs & Carrington, 1998; Wendt & Cheers, 2002).

В Австралии множество исследований были направлены на изучение причин, последствий и динамики домашнего насилия (Scutt, 1990; Hopkins & McGregor, 1991; Horsfall, 1991; Victory, 1993; Family Violence Professional Education Taskforce (FVPET), 1994; Bagshaw & Chung, 2000; Bagshaw, Chung, Couch, Liburn & Wadham, 2000; Chung, Kennedy O'Brien & Wendt, 2000). Однако только пять исследований были проведены в сельской местности. Это обусловлено самими особенностями сельской жизни и теми барьерами, которые заставляют сельских женщин попадать в насильственные отношения. Nolan (1992, p.20) установил, что:

Некоторые аспекты сельской жизни, фактически, делают женщин более уязвимыми для домашнего насилия. Эти факторы сталкивают жертв домашнего насилия с реальными трудностями, которые, по-видимому, в некоторых случаях действительно являются непреодолимыми барьерами, не позволяющими наступить окончанию насилия.

Австралийские исследования, такие как rural New South Wales (Samyia, 1987; Coorey, 1990, 1992; Alston, 1997; Davis, Taylor & Furniss, 2001), rural Queensland (Nolan, 1992), и rural South Australia (Lovell, 1996; Bagshaw et al, 2000), выявили, что факторы, действующие в сельской местности, прочно укрепляют опыт домашнего насилия для женщин сельской местности, что делает их особенно уязвимыми и содействует продолжению насилия. Это включает ненадежное финансовое положение, территориальную отдаленность от густонаселенных центров, изоляцию, недостаток обслуживания и информации, ограниченный доступ к полиции и юридической защите. Исследователи утверждали, что эти различия усиливают для сельских женщин возможность подвергнуться насилию. Эта возможность значительно выше, чем у городских женщин, требования которых не могут игнорироваться, на жалобы которых обязательно следует соответствующая реакция.

Например, некоторые сельские женщины сообщают о финансовой зависимости и не знают, как обратиться в специальные службы (social security payments), как к средству прекращения жизни, основанной на отношениях насилия (Coorey, 1992; Bagshaw et al., 2000, p.88). Важно следующее: исследователи показали, что финансовая зависимость является особенно трудной для жизни сельских женщин. Право на собственность создает оскорбительные жизненные ситуации, потому что финансовые ресурсы часто вложены в бизнес, так что только небольшое количество денег находится на руках. Женщины сообщают также о затруднительных обстоятельствах, не позволяющих им разрушить семейную или общинную (settlements) собственность (Coorey, 1992; Nolan, 1992; Bagshaw et al., 2000). Потребность в конфиденциальности и анонимности, позор обнаружения насилия, сплетни в соответствующих социальных сетях также способствуют решениям женщин не обращаться за специальными услугами и за информацией, а тем самым способствовать их доступности (Samyia,

1987; Coorey, 1990, 1992; Nolan 1992; Lovell, 1996; Alston, 1997). Более того, территориальная отдаленность и изоляция еще больше осложняют трудности женщин в обеспечении обслуживания и помощи в ситуациях насилия; общественный транспорт в отдаленных населенных пунктах часто ограничен (Samyia, 1987; Coorey, 1990; Lovell, 1996). В итоге ограниченность или недостаточная помощь со стороны полиции и системы государственного правосудия для сельских женщин также являются фактором, способствующим их уязвимости в ситуациях, связанных с насилием. В процессе работы полиция в сельских населенных пунктах случайно обнаруживает комплекс различных преступлений, по сравнению с полицией в крупных городах. Часто работа полиции в изолированных и мелких населенных пунктах может быть недостаточной, влекущей за собой задержки в реагировании на просьбы женщин о помощи (Knowles, 1996, p.i; Lovell, 1996, p.47; Alston, 1997, p.19, p.20). Более того, в сельской местности может наблюдаться общая толерантность и снисходительность по отношению к домашнему насилию, так как полиция часто имеет личные взаимоотношения с некоторыми жителями соответствующей местности, включая тех мужчин, которые являются преступниками (Coorey, 1990, p.3; Coorey, 1992, p.26; Knowles, 1996, p.151; Nicholson, 1996, p.8, p.15).

Ученые в основном согласны, что фактически нет исследований, направленных на изучение насилия, связанного с имущественными проблемами (farm properties), как отдельной формы насилия, имеющего место в мелких населенных пунктах (Hoggs & Carrington, 2003). Высокая степень насилия против женщин в сельской местности и отдаленных поселениях становится очевидной в литературе, подводящей результаты исследований и содержащей рекомендации для дальнейших исследователей. Например, конференция *Setting the Agenda for Rural Women: Research Directions* held in Wagga Wagga в 2002 году отметила следующие изменения в состоянии проблемы:

... исследование оказало влияние на расторжение браков, на разделение ферм, находящихся в семейной собственности, на отношение к насилию по отношению к женщинам, а также на замедленную реакцию о сообщении о случаях насилия против женщин, и на их идентификацию (O'Hagan, Alston & Spriggs, 2003, p.19).

Немногим ранее австралийские ученые начали исследовать культуру в сельской местности и признавать ее значение, объясняя домашнее насилие, встречающееся в конкретном месте, определенном контексте, что дает возможность делать анализ в комплексе, в различных формах осуществления насилия и в зависимости от значений, приписываемых ему (Wendt, Taylor & Kennedy, 2002). Это перемещение в сторону изучения культуры конкретных мест было связано с постструктуралистскими подходами, согласно которым, в условиях небольшого села и в особых местностях имеются множественные значения, существующие согласно местным особенностям жизни. Такая перспектива была подвержена критике, так как взгляд на сельских жителей является более одномерным, у них больше сходства, чем различий. В частности, исследование домашнего насилия в рамках феминистского постструктурализма подготовило понимание того, как культуры и идентичности обусловлены в различных селах и как эта обусловленность реализуется в зависимости от особенности мест и особенностей времени (Wendt et al, 2002). Это предоставляет возможность понять, как сельская местность, включая сельских жителей и их культуры, закрепляют рефлексию сельских женщин и преступления мужчин в сфере домашнего насилия.

К примеру, последнее исследование S. Wendt (1999, 2005) в Южной Австралии было направлено на изучение влияния местной культуры на домашнее насилие, в особенности, в сельской местности. Исследование показало, что общепринятые рели-

гиозные ценности и верования нуклеарной семьи, связанные с клятвой, данной при заключении брака, были строги и что женщины, согласно им, будто бы «отданные в аренду», ценили семейное достояние и установившиеся традиции. Более того, эти верования прочно укрепляли решения женщин продолжать дальше оставаться в отношениях насильственности, а не предпринимать различные пути поиска помощи для изменения их ситуаций. Из исследования, проведенного S. Wendt и B. Cheers (2002, p.22), получается, что:

Компоненты локальных сельских культур: включая веру, священный долг и постоянство и брака, важность сохранения тайны нуклеарной семьи – идентифицируются как прочно укрепляющие опыт домашнего насилия. Христианское учение и сохранность традиций передаются из поколения в поколение. Каждая женская история показывала, что сельская культура до последнего времени определяла прочность и наделяла силой насилие и вызывала внутренние конфликты между желанием бегства и культурными верованиями и ценностями, которые были интериоризованы.

В Австралии начинается изучение того, как домашнее насилие объясняется и практикуется в сельской местности и как местные ценности, верования, привычные и высокоценные жизненные пути прочно укрепляют для сельских людей опыт домашнего насилия (Hoggs and Carrington, 1998, 2003; Wendt & Cheers, 2002).

В заключение отметим, что домашнее насилие в Австралии проявляется чаще в сельской местности, чем в городской. Установлено, что при сравнении наблюдается значительная разница и состоит она в том, что домашнее насилие в сельской местности с большей степенью вероятности является не упомянутым, скрытым. Кроме того, исследования, проведенные в Австралии, были валидны в отношении вопросов, связанных с жизнью в условиях домашнего насилия в сельской Австралии; австралийцы – жители сельской местности – отличаются от австралийцев – городских жителей. Когда сельские женщины пытались противостоять домашнему насилию, они сталкивались с различными факторами окружающей их среды (Wendt et al, 2002, p.30). Недавнее исследование домашнего насилия в сельской местности Австралии было направлено на познание и подтверждение влияния сельского контекста и разницы между опытом в различных местах. Такое особое внимание к локальным контекстам позволяет сельским жителям говорить об их собственном опыте переживания домашнего насилия и давать характеристику конкретным ситуациям. Это является важным при попытках найти разрешение ситуаций, связанных с домашним насилием, в собственном социуме. Только теперь в Австралии начались исследования, которые раскрывают домашнее насилие как имеющее свои корни в историческом, социальном, культурном и местном контекстах и позволяют описывать, как и кто в нем живет (Cheers, Binell, Coleman, Gentle, Miller, Taylor, & Weetra, 2006).

Подводя итоги проведенным исследованиям, следует отметить, несмотря на всю специфику стран – России и Австралии, множественность общего в проблеме домашнего насилия:

▮ особенности геополитического положения России и Австралии, к которым можно отнести срединное положение между различными цивилизациями, пространственные характеристики «расстояния» и «простора» как атрибуты русской и австралийской ментальности;

▮ более высокий уровень семейного насилия в удаленных от крупных городов районных центрах и селах России и сельских поселениях Австралии, где наиболее, чем в городской среде, сохранен патриархальный тип культуры;

▮ социокультурные практики, требующие от сельского жителя в обеих странах неразглашения семейных проблем, определенной их закрытости;

◻ территориальная отдаленность и в силу этого необеспеченность услугами социальных сервисов;

◻ незащищенность потенциальных и реальных жертв домашнего насилия в правовом отношении, недостаточный уровень работы местных правоохранительных органов;

◻ элементарная правовая неграмотность жителей села, связанная с их более низким образовательным уровнем по сравнению с городскими жителями;

◻ экономическая зависимость жертв от субъектов насилия (в России это чаще всего жилищная проблема, в Австралии – проблемы совместной собственности); этот дискурс наименее исследован учеными и практиками социальной работы.

В связи с актуальностью проблемы возникла необходимость разработки комплексных национальных программ профилактики насилия в семье и оказания помощи его жертвам, которые должны содержать как мероприятия по созданию механизмов социально-правовой защиты, так и мероприятия по работе с общественным мнением. Они подразумевают профилактическую деятельность, социальную поддержку семьи, включение ее в реабилитационные программы и создание необходимых условий по преодолению кризисной ситуации и последующего развития семьи. Предотвращение насилия в семье достигается системой мер по оказанию социальной, психологической, юридической и иной помощи; социальной реабилитации членов семьи; оказание помощи в разрешении конфликтных ситуаций в семье, осуществление социального контроля над поведением членов семьи, совершивших насилие в семье; предоставление убежища пострадавшим от насилия членам семьи (Республиканская программа «Профилактика и предотвращение насилия в семье», 2003).

Успешность профилактики насилия в семье напрямую зависит от степени осознания обществом глубины этой проблемы, ее последствий, выражающихся, в первую очередь, в социальном неблагополучии детей и подростков, ухудшении здоровья женщин и детей, снижении работоспособности.

Существующий кризис развернулся на уровне кризиса самих структур социума. Из этого следует, что в сегодняшней ситуации нужно менять именно внутреннюю гендерную систему общества, существенно ориентированную на механизмы насилия. До тех пор, пока мужчины и женщины не сознают, что их патриархатный образ деструктивен, они не видят и необходимости каких-либо изменений в своем отношении к ситуациям насилия.

Литература

1. Абельцев, С.Н. Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений / С.Н. Абельцев // Юрид. вестн. Ростов. гос. экон. ун-та. – Ростов н/Д, 2000. – N 2. – С.21-27.
2. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
3. Вестник Информационного Центра Независимого Женского Форума. Нет насилию в семье. – 1997. – № 10.
4. Гапова, Е.И. Гендерная проблематика в антропологии / Е.И. Гапова. – М., 2001.
5. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. 1993 // <http://www.ruralworlds.msses.ru/golosa/index.html>
6. Горбунова, А.А. Насилие в российской семье: проблемы и последствия / А.А. Горбунова // Гендерные отношения в России: История, современное состояние, перспективы. – Иваново, 1999.
7. Дурасанова, Т.П. Социальная дезадаптация как следствие жестокого обращения с детьми в семье / Т.П. Дурасанова, О.А. Волкова // Россия в системе глобальных социальных координат: материалы выступлений II Международного социального конгресса 25 ноября 2002 года; В 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 295-301.
8. Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст.; под ред. И.Р. Чикаловой. – Минск, 2001.

9. Клименкова, Т.А. Реализация права граждан на свободу от насилия / Т.А. Клименкова // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Т. 2. М., 1998.
10. Мартынова, Э.И. Женщина и насилие / Э.И. Мартынова. – Красноярск, 1993.
11. Насилие над женщиной – варварство или традиция? Интервью с директором международного гуманитарного центра «Розрада» В.М. Бондаровской. 2006. // <http://www.gender.kiev.ua/anonce2.htm>
12. Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование. – М., ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – 1995.
13. Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие». 2003. // <http://www.owl.ru/content/news/vestnik/p52888.shtml>
14. Папа, мама я – жестокая семья. Алтайский Краевой кризисный центр для женщин в партнерстве с НКП «Женский альянс». Программа «16 дней борьбы против гендерного насилия». 2006. // <http://www.mterra.ru/sos/psychology/articles/>
15. Перед лицом насилия. 2006. // http://www.fesmos.ru/Pubikat/10_Woman%20new%20Russia2002/Woman_rus_9.html
16. Пушкарева, Н.Л. Зарубежная историография вопроса о социальном положении женщин в Древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – М., 1987.
17. Региональная общественная организация «Анна». 2006. // <http://www.owl.ru/anna/history.htm>
18. Республиканская программа «Профилактика и предотвращение насилия в семье» в Республике Бурятия (проект). 2003. // <http://www.owl.ru/content/docs/rus/p52381.shtml>
19. Россия: насилие в семье – насилие в обществе. Отв. ред. и составитель Т.Ю. Забелина. – М., 2002.
20. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1992.
21. Alston, M (1997), Violence Against Women in a Rural Context, Australian Social Work, 50 (1), 15-22.
22. Bagshaw, D. & Chung, D. (2000), Women, Men and Domestic Violence, PADV Commonwealth of Australia.
23. Bagshaw, D., Chung, D., Couch, M., Liburn, S. & Wadham, B. (2000), Reshaping Responses to Domestic Violence – Final Report, University of South Australia, Partnerships Against Domestic Violence, Canberra.
24. Brown, J.V. (1986), Female Sexuality and Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory.
25. Cheers, B., Binell, M., Coleman, H., Gentle, I., Miller, G., Taylor, J. & Weetra, C. (2006), Family Violence: An Australian Indigenous community tells its story, International Social Work, 49 (1), 51-63.
26. Chung, D. Kennedy, R. O'Brien, B. & Wendt, S. (2000), Home Safe Home – The link between Domestic and Family Violence and Women's Homelessness, Partnerships Against Domestic Violence – Co-ordinated by the Commonwealth Office of Status of Women.
27. Clemens, B., Engel B. & Worobec, C. (1991), Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation.
28. Coorey, L. (1990), Domestic Violence in Rural Areas, in Alston, M. (ed), Rural Women – Key Papers Number 1, Centre for Rural and Remote Research, Wagga Wagga NSW.
29. Coorey, L. (1992), A Rural Perspective on Domestic Violence, in Discussion and Resource Kit for use in Rural and Isolated Communities, National Committee on Violence Against Women, Canberra.
30. Davis, K., Taylor, B., & Furniss, D. (2001), Narrative Accounts of Tracking the Rural Domestic Violence Survivors' Journey: A Feminist Approach, Health Care for Women International, 22, 333-347.
31. Family Violence Professional Education Taskforce (FVPET) (1994), Family Violence Everybody's Business, Somebody's life, Federation Press, NSW.
32. Hogg, R. & Carrington, K. (1998), Crime, Rurality and Community, in The Australian and New Zealand Journal of Criminology, 31(2), 160-181.
33. Hogg, R. & Carrington, K. (2003), Violence, Spatiality and Other Rurals, in The Australian and New Zealand Journal of Criminology, 36 (3), 293-319.
34. Hopkins, A. & McGregor, H. (1991), Working for Change – The movement against domestic violence, Allen and Unwin, North Sydney.
35. Horsfall, J (1991), The Presence of the Past – Male violence in the family, Allen & Unwin, North Sydney.

36. Hubbs, J. (1988), *Mother Russia: The Feminine Mith in Russian Culture*.
37. Knowles, J. (1996), *Police Culture and the Handling of Domestic Violence: An urban/rural comparison*, Criminology Research Council, Canberra.
38. Lovell, J. (1996), *Changing Attitudes – Rural Responses to Women and Domestic Violence*, Report of a Joint Project by the Murray Mallee Women's Health Team and the Women's Health Service for the Adelaide Hills and Southern Fleurieu.
39. Nicholson, D. (1998), *Only a Domestic... A rural perspective on police responses to violence against women*, *Women Against Violence*, Issue 4, 15-24.
40. Nolan, C. (1992), *Domestic Violence in Country Areas of Australia*, in Discussion and Resource Kit for use in Rural and Isolated Communities, Office of the Status of Women – National Domestic Violence Education Program, Department of Prime Minister and Cabinet.
41. O'Hagan, R., Alston, M., & Spriggs, S. (eds), (2003), *Setting the Agenda for Rural Women: Research Directions Conference Proceedings and Recommendations*, Centre for Rural Social Research, Charles Sturt University, Wagga Wagga.
42. Ransel, D. (1988), *Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia*.
43. Samyia, L. (1987), *Rural Women's Access to Services*, in Peter Dunn (ed), *Community Welfare Services – a rural focus*, Proceedings from a Conference on 4th & 5th February, 1987 at Riverina Murray Institute of Higher Education, Wagga Wagga, NSW.
44. Scutt, J. (1990), *Even In the Best of Homes – Violence in the Family*, McCulloch Publishing, Victoria.
45. Victory, M. (1993), *For Better or Worse – Family Violence in Australia*, CIS Publishers, Victoria.
46. Wendt, S. & Cheers, B. (2002), *Impacts of Rural Culture on Domestic Violence*, *Rural Social Work*, 7(1), 22-32.
47. Wendt, S. (1999), *Exploring the Impact of Rural Culture on Domestic Violence*, BSW Honours Thesis, University of South Australia, Adelaide.
48. Wendt, S. (2005), *Grapevines, Church Steeples, Family History... Stories of local culture and domestic violence in South Australian wine country: Feminist poststructural Understandings*, PhD Thesis, University of South Australia.
49. Wendt, S., Taylor, J. & Kennedy, M. (2002), *Rural Domestic Violence: Moving towards Feminist Poststructural Understandings*, *Rural Social Work*, 7(2), 26-35.
50. *Women's Services Network (WESNET) (2000), Domestic Violence in Regional Australia – A Literature Review, A Report for the Commonwealth Department of Transport and Regional Services, Partnerships Against Domestic Violence, Transport and Regional Services.*

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ РЫНКОМ ТРУДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Деева Н.Н.

Успешное управление региональным рынком труда предполагает определение и соблюдение определенных принципов как исходных и базовых. Эти принципы относятся как к целям управления (целевые), так и к способам достижения этих целей (инструментальные). В первую группу входят принципы трудоустройства, эффективной занятости, рыночного равновесия, паритетности интересов личности и государства, социальной защиты; во вторую – принципы активности, рациональности, оптимального территориального расселения, превентивности, принцип сочетания внутреннего и внешнего регулирования, дифференцированного подхода, приграничного сотрудничества.

Целевые принципы управления рынком труда.

1. *Принцип трудоустройства.* Смысл управления рынком труда выражается, в конечном счете, в обеспечении необходимыми трудовыми ресурсами жизнедеятельности данного региона, обеспечением условий для экономического и социального воспроизводства.

Специфика приграничных регионов Дальнего Востока такова, что большая часть ее территории находится в районах с тяжелыми для жизнедеятельности людей